

ПОЛИС

4'2001

Политические
Исследования

Научный и культурно-просветительский журнал

Издается с 1991 г.

Выходит 6 раз в год

№ 4 (63) 2001

**Читайте
в следующих
номерах:**

Материалы международной конференции “Национальные ориентиры и мировой опыт в области преподавания социально-экономических дисциплин в высшей школе”

Социально-психологическая дифференциация российского населения

Геополитика: итоги развития в XX веке

POLIS
www.politstudies.ru

Political Studies

ИЗМЕРЕНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Г.В. Голосов

Задача настоящей статьи — дать краткий, но систематический обзор избирательных систем, применяемых на выборах в региональные законодательные собрания, и обсудить их политические последствия. В эмпирическом фокусе исследования находятся избирательные системы, использовавшиеся в течение первых двух российских электоральных циклов*. По ходу изложения и анализа данных будут рассмотрены некоторые их характеристики, которые, на мой взгляд, особенно важны для понимания их политических эффектов. Именно эти характеристики, представленные в виде пар альтернативных институциональных решений, я и называю “измерениями” избирательных систем**.

Прежде чем обратиться к анализу таких измерений, хотелось бы обратить внимание на аспект, который не будет рассматриваться отдельно, — на различие между системами смешанными и “чистыми”. Было бы неверным утверждать, что выбор смешанной системы не влечет за собой политических последствий, не сводимых к последствиям каждого из ее компонентов [Яргомская 1999; Hegron, Nishikawa 2001]. Однако соответствующие “эффекты контаминации” изучены настолько слабо, что при решении поставленных здесь задач от них позволительно отвлечься. Важнее задать круг понятий, которые будут использоваться при описании исследуемых феноменов.

Согласно выдвинутой совсем недавно, но уже завоевавшей признание научного сообщества типологии, действующие в России смешанные системы*** распадаются на две широкие категории [Massicotte, Blais 1999] — “наложение” (superposition) и “сосуществование” (coexistence). В первом случае каждый избиратель имеет не менее двух голосов, подаваемых по особым избирательным формулам. Во втором — у избирателя лишь один голос, но в разных округах действуют разные избирательные системы. Возможны также комбинации этих двух моделей. К принципу “сосуществования” типологически приближаются ситуации, когда при избрании отдельных палат легислатур используются собственные избирательные формулы. Поскольку все применяемые в России смешанные системы имеют “несвязанный” характер, т.е. порождаемые их частями диспропорции не компенсируют друг друга, я счел допустимым свести все это многообразие к общей категории смешанных систем. Следует подчеркнуть, что такое решение было продиктовано спецификой поставленных в

ГОЛОСОВ Григорий Васильевич, доктор политических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге.

* Формальным основанием для выделения электоральных циклов служат общероссийские думские выборы: первый цикл — с 12 декабря 1993 г., второй — с 17 декабря 1995 г., третий — с 19 декабря 1999 г.. Данные по третьему циклу не стали объектом анализа по той очевидной причине, что он еще далек от завершения.

Следует подчеркнуть, что основной единицей анализа в работе выступает региональная избирательная система, а не избирательная система, примененная на отдельных выборах. Поэтому сообщаемые ниже количественные данные охватывают 85 случаев из первого электорального цикла и 84 — из второго.

** Разумеется, потенциальное исследовательское поле отнюдь не исчерпывается этими измерениями. Оно необозримо; в освоении его сделаны лишь первые шаги. К сожалению, в такой ситуации платой за систематичность анализа неизбежно становится его неполнота, и некоторые важные детали (например, структура избирательного бюллетеня, которая может иметь весьма серьезные политические последствия, или требования к активности избирателей) остаются за рамками исследования.

*** В отличие от многих исследователей я не считаю, что системе правомерно называть смешанной лишь при наличии компонента пропорциональности.

работе познавательных задач; в иных контекстах оно было бы неоправданным. Кроме того, из круга смешанных были исключены те системы, при которых происходит “наложение” аналогичных избирательных формул в рамках поразному нарезанных избирательных округов. О целесообразности подобных упрощений свидетельствует тот факт, что они позволили развести российские смешанные системы по четырем кластерам, тогда как в противном случае их бы оказалось 12. Избирательные системы указанного типа были использованы в 15 регионах в 1993 — 1995 гг. и в 23 регионах в 1995 — 1999 гг.

Хотя настоящая работа посвящена избирательным системам, применяемым на выборах в региональные законодательные собрания, а не самим этим собраниям, я начну с того, что вкратце напомним об обстоятельствах создания и особенностях функционирования современной законодательной власти в регионах России. Затем речь пойдет собственно об измерениях избирательных систем. В процессе их анализа я буду постоянно касаться весьма актуальной ныне темы совершенствования партийной системы. Вместо заключения (ибо в подобных ситуациях заключение бывает прерогативой политической практики) будут высказаны некоторые суммирующие соображения о перспективах электоральной инженерии в России.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ СОБРАНИЯ: ГЕНЕЗИС И ПОЛНОМОЧИЯ

Современные региональные законодательные собрания, или, официально, “законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ”, есть один из элементов российского институционального дизайна, определенного Конституцией 1993 г. В подавляющем большинстве случаев это довольно слабые институты, заметно уступающие по влиянию исполнительной власти. Более того, многие региональные законодательные собрания институционально слабее Федерального собрания РФ. Если в Российской Федерации в целом действует президентско-парламентская система (хотя и с повышенными законодательными полномочиями президента) [Shugart, Carey 1992; Remington 2000; Shevchenko, Golosov 2001], то в регионах элементы двойной правительственной ответственности, как правило, отсутствуют или крайне ограничены. Другими словами, на региональном уровне преобладают президентские формы правления, причем исполнительная власть наделена значительными полномочиями в области законодательства [Козлова, Кутафин 1998: 466-472]*. Парламентские системы в регионах России не встречаются**. Президентско-парламентские системы сохраняются преимущественно в республиках в составе РФ (например, в Башкортостане и Татарстане). Но и в этих случаях влияние законодательных собраний не столь уж велико, ибо именно в республиках чаще всего наблюдается концентрация реальных политических ресурсов в руках носителей исполнительной власти [Гельман 1998]. Даже обладая институционально закрепленным властным потенциалом, республиканские законодательные собрания редко способны его реализовать.

Косвенным показателем слабости региональных законодательных собраний является тот факт, что в большинстве случаев численность депутатского корпуса весьма невелика и лишь иногда достигает уровня, предполагаемого так наз. законом кубического корня***. Как известно, в соответствии с указами 1993 г. численность региональных законодательных собраний (кроме республик, которых эти указы не касались) не должна была превышать 50 человек.

* Сходные институциональные структуры, существующие в некоторых постсоветских республиках Средней Азии и Закавказья, оформляют авторитарные режимы [Frye 1997].

** После того как в 2000 г. от элементов парламентаризма отказалась Удмуртия, они сохранились лишь в Дагестане.

*** Согласно этому закону, численность парламента оптимальна, когда она примерно соответствует кубическому корню от общей численности населения страны или региона [Taagepera, Shugart 1989: 173-183].

Ныне таких ограничений нет. Однако на практике региональные ассамблеи не дотягивают и до этого некогда дозволенного максимума. Средний размер легислатур, избранных в течение первого электорального цикла, составлял 37,8 человека; во втором электоральном цикле он вырос до 41,4 человека.

Региональным законодательным собраниям, включенным в заданный Конституцией 1993 г. институциональный контекст, предшествовали органы советского типа (избранные преимущественно весной 1990 г.), чьи властные полномочия не были жестко определены. Период формального “всевластия” этих широких по составу и почти не структурированных по политическому признаку ассамблей закончился уже осенью 1991 г., когда в большинстве регионов были назначены главы администраций, а республики стали постепенно переходить к президентским формам правления. Как и на общенациональном уровне, в ряде регионов сосуществование советов с новыми учреждениями исполнительной власти вылилось в ожесточенные конфликты. Осенью 1993 г. многие советы были распущены, и даже республики, где дальнейшее функционирование избранных в 1990 г. органов не было поставлено под вопрос президентскими указами, бросились оперативнo “подгонять” свои институциональные устройства под общероссийское. Лишь в одной из них, Хакасии, избранный в 1990 г. Верховный Совет отработал полный срок.

Процесс избрания региональных законодательных собраний начался одновременно с общенациональными выборами и конституционным референдумом 12 декабря 1993 г., когда парламентами обзавелись десять регионов. Больше всего выборов состоялось в марте 1994 г. К следующим общенациональным парламентским выборам только три региона — Хакасия, Адыгея и Ульяновская область — не имели новых законодательных органов. Таким образом, с декабря 1993 г. по декабрь 1995 г. региональные легислатуры были избраны в 85 регионах. В республиках сроки их полномочий были, за некоторыми исключениями, определены в 4-5 лет. В других регионах законодательные ассамблеи избирались на два года (хотя в дальнейшем все они продлили сроки собственных полномочий). В течение второго электорального цикла выборы в законодательные собрания прошли в 84 регионах* (кроме Карачаево-Черкесии, Мордовии, Татарстана и Таймырского автономного округа, совместивших региональные выборы с общероссийскими 19 декабря 1999 г.). Сроки полномочий действующих ныне региональных легислатур — 4-5 лет, причем пятилетний срок становится все более популярным среди законодателей. Можно добавить, что с 19 декабря 1999 г. по май 2001 г. выборы состоялись в 38 регионах; к концу 2001 г. законодательные собрания нового созыва будут избраны в большинстве субъектов РФ, а к новым думским выборам (если те будут проведены в срок) — повсеместно, за исключением Кемеровской области.

Положение региональных законодательных собраний первого созыва в институциональной структуре регионов было весьма своеобразным. С одной стороны, эти ассамблеи нередко избирались в условиях ничем не ограниченного господства глав администраций, а их полномочия, как уже отмечалось, заметно уступали полномочиям носителей исполнительной власти. С другой стороны, в областях и краях они были единственными органами власти, получившими демократическую электоральную легитимацию. Кроме того, на них были возложены особые учредительные функции, связанные с разработкой и принятием региональных уставов. Кое-где это позволило ассамблеям первого созыва играть довольно заметную политическую роль. Конфликты между ветвями власти в регионах продолжались, причем нередко в них участвовали те же самые лица, что и в 1991 — 1993 гг. Действительно, многие депутаты, политические репутации которых сложились в борьбе против ельцинских назначенцев, легко адаптировались к новым институциональным условиям [Михайловская 1995].

* В Волгоградской, Вологодской и Свердловской областях, где действует система ротации депутатов, а также в Кемеровской области соответствующие выборы проводились по два раза. Случай Чечни не включен в поле настоящего анализа.

В ходе второго электорального цикла ситуация изменилась, так как теперь законодательным собраниям пришлось сосуществовать с избранными главами исполнительной власти. К 1997 г. взаимоотношения между ветвями власти стали более мирными, чем прежде, а политическое значение региональных законодательных собраний упало [Макфол, Петров 1998] — точнее, пришло к институционально обусловленной норме. Во многих регионах это было сопряжено со становлением режимов, характеризующихся резким преобладанием элит, консолидированных вокруг носителей исполнительной власти, над прочими участниками политического процесса [Гельман, Рыженков, Бри 2000]. Для отображения подобных тенденций я буду использовать термины “политический монополизм” и “авторитаризм”. Четкое категорическое различие этих понятий иррелевантно с точки зрения задач данного исследования. Достаточно заметить, что первое можно квалифицировать как “мягкую” версию второго.

ПРОСТОЕ ИЛИ АБСОЛЮТНОЕ БОЛЬШИНСТВО?

Действующие в России избирательные системы, за редким исключением, строятся на принципе большинства. Этот принцип, согласно которому победителем становится кандидат, набравший больше голосов, чем любой из его соперников, может применяться как в одномандатных, так и в многомандатных округах. Рассмотрим сперва избирательные системы, используемые в одномандатных округах. В данном случае принципиальную важность имеет вопрос о дефиниции большинства. С одной стороны, победителем может считаться кандидат, опередивший всех соперников. Такую модель называют системой простого большинства, или, если использовать пока не прижившийся в России, но менее громоздкий термин, плюральной. С другой стороны, для победы может требоваться поддержка абсолютного большинства избирателей. А поскольку при высоком уровне политической фрагментации это требование не всегда выполнимо, победителя определяет второй тур голосования, до которого допускаются только лидеры. Такова мажоритарная избирательная система. Именно она и применялась на относительно свободных выборах Советов народных депутатов разных уровней, проходивших в 1989 — 1990 гг.

В этом смысле обращение к плюральной системе на выборах Государственной Думы РФ в 1993 г. было институциональной новацией, которую, однако, охотно восприняли в подавляющем большинстве регионов. В ходе первого электорального цикла “чисто” плюральная система применялась в 56 регионах, а в ходе второго — в 50; соответственно, смешанные системы с плюральными компонентами действовали в 15 и 21 регионе. Напротив, мажоритарная система становилась все более редкой: в 1993 — 1995 гг. ее использовали “в чистом виде” семь регионов (Бурятия, Дагестан, Саха, Северная Осетия, Татарстан, Чувашия и Санкт-Петербург), а в 1995 — 1999 — только пять (Бурятия, Дагестан, Тыва, Хакасия и тот же Санкт-Петербург); кроме того, в Красноярском крае она явилась компонентом смешанной системы. Причины столь широкого распространения плюральной системы и отказа от мажоритарной едва ли правомерно всецело связывать с сознательной электоральной инженерией. Скорее, речь может идти о преобладающем влиянии федерального центра на региональные электоральные институты в сочетании с подкупающей (в т.ч. в сугубо материальном смысле, ведь второй тур стоит денег) простотой плюральной формулы. Вместе с тем политические последствия обеих избирательных систем вполне поддаются экспликации.

В политической компаративистике принято считать, что плюральная система сдерживает фрагментацию партийных систем путем постепенного сведения межпартийного соревнования к бинарному формату. Но известный “закон Дюверже”, постулирующий данное свойство плюральных систем, реализуется лишь в долгосрочной перспективе [Moser 1999]. Кроме того, необходимо учитывать, что этот “закон” был сформулирован для условий межпартийного соревнования. В регионах же России партийные кандидаты —

если таковые вообще есть — чаще всего соревнуются с независимыми [Петров 1995; Slider 1996; Golosov 1997; Golosov 1999]. Стало быть, вопрос здесь состоит не в том, победит ли одна партия другую, а в том, есть ли партия, дающая своему выдвиженцу относительное преимущество над беспартийным соперником. Судя по результатам общероссийских и региональных выборов, с этой задачей справляются (хотя далеко не всегда) лишь коммунисты, а также местные “партии власти” и/или группы давления бизнес-элит, которые, впрочем, редко оформляются организационно. Другими словами, плюральная система консервирует довольно типичную для регионального уровня российской политики картину, при которой в легислатуры проходят либо беспартийные ставленники исполнительной власти и бизнеса, либо выдвиженцы компартии. Обе политические силы получают при этом весьма значительный бонус.

Таким образом, отказ от плюральной системы едва ли выгоден региональным элитам. С этой точки зрения вполне объяснимо, почему альтернативная ей мажоритарная система используется лишь в немногих регионах, подавляющая часть которых — национальные республики. Известно, что мажоритарная система в принципе побуждает различные политические силы к созданию коалиций и противодействует избранию экстремистски настроенных кандидатов [Fargell 1997: 39-58]. В России, однако, эти закономерности проявляются в крайне модифицированном виде. Преимущества мажоритарной системы для исполнительных элит особенно очевидны в ситуации, когда во втором туре гарантирована победа “управляемого” кандидата над оппозиционером. А такие гарантии дает лишь предсказуемость электората, что, собственно говоря, и наблюдается в республиках. Не случайно мажоритарная система сохранилась в Бурятии и Татарстане, а в Тыве была даже восстановлена после консолидации регионального режима. Не случайно и то, что от нее отказалась исполнительная власть Чувашии, пойдя на сознательную актуализацию электоральной конкуренции, дабы избавиться от оппозиционной легислатуры. Гораздо менее понятно существование мажоритарной системы в Санкт-Петербурге, хотя и там уже при втором применении (в 1998 г.) данная система сработала против оппозиции в лице “Яблока” в пользу поддержанных губернатором “крепких хозяйственников”. Случай Санкт-Петербурга особенно наглядно показывает, что в российских условиях партийная принадлежность и наличие политической программы, не обязательно радикальной, становятся при мажоритарной системе факторами, не способствующими, а скорее препятствующими электоральному успеху. Неудивительно, что такая система не просто блокирует развитие партий там, где их нет, но и подвывает уже сложившиеся региональные партийные системы (как это и произошло в Санкт-Петербурге).

Можно заключить, что политической ситуации в большинстве регионов адекватна именно плюральная система. Но из организованных политических акторов от нее выигрывает, да и то не всегда, лишь КПРФ. С “партиями власти” (отвлекаясь от того обстоятельства, что кое-где таковой является именно КПРФ) дело обстоит сложнее. Несомненно, что плюральная система на руку главам региональной исполнительной власти. Однако в существовании общероссийской “партии власти” они, как правило, не заинтересованы. Именно этим можно объяснить провал многочисленных попыток создать подобные партии, и преобладание плюральной системы сыграло здесь свою роль. “Партия власти” второго электорального цикла — НДР — добилась значимого представительства только в легислатурах регионов, применявших смешанные системы с элементами пропорциональности [Golosov 1999]. Иными словами, господствующая на региональном уровне электоральная формула прямо препятствует становлению российской партийной системы. Более того, в российском контексте мажоритарная система не снимает, а усугубляет эффекты системы плюральной, ибо вообще не оставляет партия шансов на выживание.

Одномандатные или многомандатные округа?

Как и в случае с одномандатными округами, идея применения правил простого большинства в многомандатных округах* пришла в российскую избирательную практику из общенациональной избирательной кампании 1993 г. Тогда по этой схеме был избран первый состав Совета Федерации, причем выборы породили немало слухов о массовой фальсификации результатов. От подобного принципа формирования верхней палаты парламента скоро отказались, но на региональном уровне формула прижилась. В 1993 — 1995 гг. соответствующая система, которую в России называют “мажоритарной в многомандатных округах” (что неточно), а в компаративистике — “плюральной в многомандатных округах” [Rose 2000] или “блоковой” [Reynolds, Reilly 1997], использовалась в “чистом” виде в семи регионах (Ингушетия, Краснодарский край, Амурская, Брянская, Кировская, Сахалинская и Свердловская области), в 1995 — 1999 гг. — в шести (“выпали” Ингушетия, Брянская и Свердловская области, добавились Камчатская и Томская). Вместе с тем она широко применялась в качестве компонента смешанных формул — в 12 и 18 регионах, соответственно.

Хотя за рубежом подобная система встречается реже, чем в России, ее эффекты довольно хорошо изучены компаративистами. Так, ее называют “блоковой” именно потому, что при устоявшейся партийной системе она побуждает избирателя голосовать за целый “блок” кандидатов, принадлежащих к одной и той же партии, а это, естественно, ведет к колоссальной диспропорциональности результатов. Например, на выборах 1982 и 1995 гг. на Маврикий ведущие партии, находившиеся в тесной коалиции, получали все места в парламенте, будучи поддержанными лишь двумя третями избирателей. Не препятствует блоковая система и избранию политических экстремистов. Это продемонстрировали выборы 1989 г. в Иордании, когда крайне радикальное, но относительно хорошо организованное и сплоченное Мусульманское братство, набравшее менее 20% голосов, приобрело около 30% парламентских мест. В проигрыше оказались “беспартийные” ставленники королевской администрации [Reynolds, Reilly 1997]. Словом, блоковая система создает преимущества для сильных партий, но достигается это ценой обострения всех проблем, присущих другим системам большинства. Не случайно она применяется в странах, которые трудно назвать образцами демократии (в конце 1990-х годов ими были Кувейт, Маврикий, Таиланд, Фиджи и Филиппины). Для использующих эту систему стран характерен политический монополизм сил, которые при иной ситуации могли бы столкнуться с весьма серьезной оппозицией на парламентском уровне.

В России в связи с неразвитостью партийной системы политические последствия блоковой системы принимают модифицированные, нередко как бы сглаженные формы. На выборах второго цикла описанные выше эффекты более или менее отчетливо проявились лишь в одном регионе, не имевшем республиканского статуса, — в Краснодарском крае, где она явно способствовала успеху движения “Отечество — Кондратенко”, связанного с местной исполнительной властью. Сходной была логика использования блоковой системы на некоторых республиканских выборах, в частности в 1994 г. в Ингушетии, где вся легислатура избиралась в 27-мандатном округе. Но в некоторых регионах — например, в Красноярском крае в первом цикле выборов или в Томской области во втором, — ее эффекты, похоже, мало чем отличалось от эффектов плюральной системы. Более того, есть основания полагать, что при отсутствии устойчивых партийных идентификаций блоковая система может благоприятствовать политическому и иному многообразию в составе легислатур, например поощрять представительство женщин [Golosov 1999; Golosov 2001]. Нужно, однако, подчеркнуть, что подобные свойства данной системы

* При использовании данного правила в многомандатных округах избиратель получает число голосов, равное количеству распределяемых в округе мест.

(даже если они есть, ведь вопрос изучен явно недостаточно) проявляются лишь в весьма специфическом контексте недоразвитости российских партийных структур. Именно в данном контексте — и только в нем — блоковая система порождает последствия, присущие скорее системе “единого непереходящего голоса” [Shiratori 1995]. Эта редкая система, при которой у избирателя в многомандатном округе имеется лишь один голос, никогда не применялась в России.

Замечу, что в первых двух электоральных циклах блоковая система иногда использовалась в округах разной величины или в “сосуществовании” с плюральной. Ныне это невозможно (за исключением выборов в двухпалатные парламенты), ибо в 2000 г. Конституционный суд РФ счел предоставление гражданам разного числа голосов на одних и тех же выборах нарушением их прав. Кроме того, согласно Закону об основных гарантиях избирательных прав граждан (сентябрь 1997 г.), максимальное число депутатов, избираемых в многомандатном округе, не должно превышать пяти. Однако при отсутствии вариаций по количеству голосов у избирателя блоковая система по-прежнему может применяться.

Что же касается перспектив использования данной системы на региональном уровне, то ситуация здесь представляется следующей. Блоковая система — в той мере, в какой ее эффекты сходны с эффектами системы плюральной, — вполне органична для российской региональной политики и приемлема для носителей исполнительной власти. Как мы видели, уже сейчас существуют регионы, где реализуется ее потенциальная направленность на поощрение политического монополизма. Если Россия все-таки встанет на путь партийного развития, этот потенциал будет задействован гораздо шире. Я бы предположил, что подобная система окажется особенно на руку главам администраций и президентам, сочетающим стремление к политической монополии (оправданное объемом политических ресурсов) с волей к партийному строительству. На сегодня это — довольно редкая комбинация. Нетрудно понять, что для непопулярных носителей исполнительной власти (вроде иорданского короля в приведенном выше примере) полноценное использование блоковой системы чревато серьезным риском. Кроме того, указанная система косвенно поощряет развитие партий — ведь чем больше кандидатов выдвигается в каждом отдельном округе, тем выше ценность таких специфических и редких маркеров, как партийность. Не случайно Красноярский край и Свердловская область перешли к смешанным системам с элементами пропорциональности именно от блоковой системы, сыгравшей роль своего рода “инкубатора” для партий. Но развитие партий, как нам предстоит убедиться ниже, не отвечает стратегическим интересам наиболее важных акторов современной региональной политики.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИЛИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОКРУГА?

Если плюральная, мажоритарная и блоковая формулы — вполне легитимные опции в рамках семейства систем большинства, то далее речь пойдет о феномене, который не укладывается в традиционные описания избирательных систем, но встречается в России довольно часто. В мировой практике ему соответствует характерная для многих федераций нарезка округов для выборов верхних палат национальных legislatures не по численности населения, а в соответствии с административными границами [Lijphart 1984: 173-175]. Именно федерализму обязана административно-территориальными округами и современная Россия. В таких округах избирались доли депутатов позднесоветских парламентов (Съездов народных депутатов СССР и РСФСР), а потом и Совета Федерации. Затем этот способ нарезки округов был воспринят на региональном уровне, хотя ни один из субъектов РФ не является по своему внутреннему устройству федерацией. Административно-территориальные округа использовались при выборах в верхние палаты законодательных собраний во всех без исключения регионах, где практикуется двухпалатность (Башкортостан, Кабардино-Балкария, Карелия, Саха, Свердловская область, а в первом

электоральном цикле — и Чукотский автономный округ). Кроме того, в первом электоральном цикле административно-территориальные округа применялись (как правило, в сочетании с территориальными) в Коми, Марий Эл, Татарстане, Чувашии, Архангельской, Кировской и Тульской областях, а также в Корякском автономном округе. Во втором электоральном цикле указанные области и Чувашия отказались от этой системы, но зато к списку добавились Адыгея и Калмыкия*. Нетрудно заметить, что сегодня в нем остаются, помимо Свердловской области, лишь национальные автономии. И это понятно. В областях и краях применение административно-территориальных округов всегда вызывало нарекания — слишком уж явно нарушался фундаментальный демократический принцип “один человек — один голос”. Скажем, в Ульяновской области подобная практика была пресечена судебным решением. В республиках же, где такие округа рассматривались как способ гарантировать представительство “титულных наций”, данные аргументы не срабатывали. И действительно, если учесть, что “титульное население” чаще всего компактно сосредоточено в сельской местности, а от административно-территориальных округов выигрывает как раз село, то такой механизм этнического представительства может показаться оправданным.

Можно спорить, соответствует ли данный подход упомянутому выше принципу демократии. Скорее всего, нет, хотя некоторые версии демократической теории оправдывают особые меры, призванные обеспечить представительство этнических и прочих меньшинств. Ведь “титульные нации” — это, как правило, именно меньшинства. Следует, однако, констатировать, что “связка” села и этничности в рамках избирательных систем, основанных на административно-территориальных округах, влечет за собой гораздо более далеко идущие политические последствия. Как показывает электоральная история постсоветской России, сельские избиратели наиболее податливы к политическому давлению и манипуляциям со стороны носителей исполнительной власти, что делает их поведение не только предсказуемым, но и управляемым. Поэтому депутаты, избранные в административно-территориальных округах, чаще всего оказываются ставленниками административных структур, а то и прямо представляют исполнительную власть. Так, в парламентах Башкортостана и Татарстана, избранных в 1995 г., доли представителей исполнительной власти составляли 61,0% и 42,3%, соответственно. Таким образом, административно-территориальные округа являются инструментом доминирования исполнительной власти. Выдвиженцы политических партий имеют очень мало шансов быть избранными в нарезанных подобным образом округах. Из этого следует, что применение данной системы препятствует демократическому институциональному строительству [Михайлов, Бажанов, Фарукшин 2000].

Возникает вопрос: почему главы исполнительной власти республик, и без того, как правило, являющиеся монополистическими акторами в своих регионах, поддерживают подобные электоральные нормы? Один из элементов ответа состоит, видимо, в том, что с конституционной точки зрения некоторые республиканские легислатуры — довольно сильные институты. В противном случае потребность исполнительной власти в контроле над законодательными собраниями была бы гораздо слабее. В Башкортостане, например, легислатура при наличии в ней оппозиционного большинства могла бы полностью блокировать процесс правительственных назначений и отставок. Понятно, что исполнительная власть стремится не допустить такой ситуации. Так и возникает специфическая институциональная конфигурация, при которой весьма значительные полномочия легислатуры как бы “уравновешиваются” использованием электоральных правил, стимулирующих политический монополизм

* Я отвлекаюсь от тех случаев, когда округа нарезались в соответствии с административно-территориальным делением, но число избираемых от них депутатов определялось в зависимости от численности избирателей, т.е. соблюдался принцип “один человек — один голос”. Впрочем, упоминавшееся выше постановление Конституционного суда поставило эту практику вне закона.

(двухмандатные административно-территориальные округа). В настоящее время интенсивно идет процесс (поощряемый федеральным центром) приведения республиканских конституционных норм в соответствие с общероссийскими. Это может привести к сокращению объема полномочий отдельных legislatur. В результате стимулы к применению данных избирательных норм станут слабее. Впрочем, от такой “перемены мест слагаемых” сам политический монополизм никуда не исчезнет.

Добавлю, что обосновывать применение административно-территориальных округов нуждами этнического представительства не вполне корректно, ибо существуют и иные способы решения проблемы. Разумеется, раздача привилегий тем или иным меньшинствам в любом случае будет вызывать нарекания приверженцев и симпатии противников “мажоритарной демократии” [Mansbridge 1999]. Но если уж сторонники привилегий достаточно политически сильны, чтобы отстоять свою позицию, то в их распоряжении находится множество механизмов, не влекущих за собой описанных выше последствий. В условиях пропорциональной избирательной системы можно использовать квотирование составов как партийных списков в целом, так и их верхних частей (с тем чтобы представительство меньшинств не было фиктивно-символическим) [Jones 1998]. Квотирование состава кандидатского корпуса возможно и при плюральной системе [Norris 1994]. Другой путь — резервировать отдельные избирательные округа для выдвижения кандидатов определенной групповой принадлежности. Такой способ применялся в ряде автономных округов, но наиболее успешным следует признать опыт Дагестана с его этнической чересполосицей и тлеющими межнациональными конфликтами* — так наз. национальные округа во многом предотвратили там трансляцию этнической напряженности на уровень электоральной политики. Выдвижение кандидатов одной и той же национальности позволяет, по крайней мере теоретически, перевести предвыборные дебаты в плоскость обсуждения важных политических проблем, не связанных с этничностью.

СИСТЕМЫ БОЛЬШИНСТВА ИЛИ ПРОПОРЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА?

Впервые в российской истории пропорциональная система была применена на выборах Учредительного собрания в 1917 г. Этот эпизодический и не очень удачный опыт давно забылся. Современный этап экспериментирования с пропорциональным представительством начался с парламентских выборов 1993 г., проходивших по смешанной плюрально-пропорциональной формуле. Именно в качестве компонента смешанных систем пропорциональность была воспринята в некоторых регионах России. В первом электоральном цикле смешанные системы с элементами пропорциональности использовались в трех регионах — Марий Эл, где по пропорциональной системе избирались 8 депутатов из 30, Тыве (5 из 32) и Саратовской области (10 из 35). Остальные депутаты избирались по плюральной системе, причем в Марий Эл — в административно-территориальных округах.

Во втором электоральном цикле все три региона-экспериментатора вернулись к формулам большинства, но зато появились пять новых. Калининградская область и Усть-Ордынский Бурятский автономный округ избирали законодателей по плюрально-пропорциональной системе, причем на долю второго компонента приходилось 5 из 32 и 4 из 19 депутатов, соответственно. В Корякском автономном округе был проведен уникальный в мировой практике опыт с блоково-пропорциональной системой: 4 из 12 депутатов избирались по пропорциональной системе, остальные — в двухмандатных административно-

* На выборах 1995 и 1999 гг. в Дагестане использовалась мажоритарная система, модифицированная таким образом, что в 52 из 121 округов право выдвижения было зарезервировано за представителями отдельных этнических групп (эти округа назывались “национальными”). Кроме того, отдельные округа были зарезервированы для выдвижения женщин и лиц с высшим экономическим или юридическим образованием. В 2001 г. Народное Собрание Дагестана инициировало избирательную реформу, однако принцип национального представительства был сохранен.

территориальных округах. Красноярский край использовал мажоритарно-пропорциональную формулу, причём доля пропорциональной составляющей оказалась здесь гораздо выше — 20 из 42 депутатов. Наконец, в Свердловской области вся нижняя палата легислатуры численностью 28 человек избиралась на ротационной основе по пропорциональной системе. В течение второго электорального цикла выборы прошли дважды. При формировании верхней палаты (21 депутат) применялась плюральная система в административно-территориальных округах. Во всех перечисленных случаях действовала модификация пропорциональной системы, принятая на общенациональном уровне: закрытые списки и распределение мандатов по методу простой квоты и наибольших остатков.

Как видим, охотников поэкспериментировать нашлось немного. К настоящему времени выборы по системам с элементами пропорциональности прошли более чем единожды лишь в двух регионах (Калининградская и Свердловская области). Похоже, ее не собираются отменять и в Красноярском крае, где, кстати сказать, по подобной системе формируются и многие муниципальные собрания. Но в автономных округах от нее отказались (данные по Корякскому округу противоречивы). А между тем пропорциональная формула, по крайней мере теоретически, конкурировала с плюральной на равных: обе были приняты в качестве компонентов общероссийской избирательной системы, обе были новыми для России. Аргумент о сравнительной простоте плюральной системы, конечно, следует принять во внимание, но надо заметить, что ничего особенно сложного в механизме пропорциональности тоже нет. Поэтому логично предположить, что ожидаемые политические последствия пропорциональной системы оказались не слишком приемлемыми для региональных властей.

Одним из общих мест в политической компаративистике является тезис о том, что пропорциональная система поощряет политическую фрагментацию [Rae 1967]. И действительно, при такой системе “эффекты Дюверже” если и проявляются (ибо она, как и системы большинства, делает голосование за совсем уж маленькие партии бессмысленным), то в значительно смягченном виде. Подтверждается ли этот тезис российским опытом? Вообще говоря, да. Но отнюдь не страх перед фрагментацией движет региональными элитами. Предположим, что все депутаты-одномандатники независимы не по способу избрания, а по реальным политическим ориентациям. Тогда единственным ограничителем фрагментации ассамблеи оказывается ее численность, а процесс принятия законодательных решений становится предельно хаотичным. Главы исполнительной власти регионов, разумеется, заинтересованы в том, чтобы избежать подобной ситуации, и минимальное политическое структурирование ассамблей по партийному признаку помогло бы решить эту задачу.

Но в том-то и дело, что независимость депутатов от партий сплошь и рядом оборачивается их зависимостью от исполнительной власти. Более того, при системах большинства даже депутаты, официально выдвинутые избирательными объединениями и блоками, далеко не всегда имеют основания считать, что именно партийность послужила решающим фактором электорального успеха. Отношение исполнительной власти играет не меньшую роль. В условиях пропорциональности значение партий резко возрастает, ибо они становятся принципиально важными участниками электорального процесса, своего рода вето-акторами, не заручившись поддержкой которых, политик просто не может выйти на электоральную арену. Следовательно, в легислатуре появляются депутаты, которые включены в неподвластные контролю со стороны исполнительной власти организационные сети. А это, в свою очередь, актуализирует властный потенциал ассамблеи перед лицом исполнительной власти [Shugart 1998]. Ясно, что подобная перспектива плохо согласуется с интересами последней. Иначе говоря, главы исполнительной власти регионов имеют довольно сильные стимулы к тому, чтобы блокировать распространение пропорциональной системы. И дело здесь не в правилах как таковых, а в

их политических последствиях. Так, в Омской области, относящейся к числу тех немногих регионов России, которые законодательно утвердили смешанную систему с элементом пропорциональности, выборы откладывались уже дважды: официально — по техническим причинам вроде “отсутствия финансовых средств”, а фактически — потому что пропорциональная система, по некоторым оценкам, примерно в полтора раза увеличила бы представительство оппозиционной партии в региональном законодательном собрании.

Возможный контраргумент состоит в том, что использование элементов пропорциональности подталкивает региональные элиты к созданию “партий власти”, которые в случае победы на законодательных выборах способствовали бы усилению исполнительной власти. Конечно, президентская система при всем ее негативном воздействии на партийное строительство [Mainwaring 1999] не вполне устраняет стимулы к нему, в т.ч. и для носителей исполнительной власти [Голосов, Лихтенштейн 2001]. Но партия, в которой заинтересован глава исполнительной власти при любой президентской системе, — это партия законодательного большинства. Выгодно ли ему иметь в легислатуре полностью лояльную, но включающую в себя меньшинство депутатов, фракцию? Думается, нет. Если уж законодательное большинство недоступно, то лучше договариваться с формально независимыми депутатами в индивидуальном порядке (особенно если вспомнить, что численность региональных законодательных собраний невелика). Это легче, чем ценой торга, с необходимостью предполагающего политические уступки, а не только подачки отдельным депутатам, строить сложную систему взаимоотношений между лояльными, полуоппозиционными и оппозиционными фракциями. Между тем российские “партии власти”, как правило, не пользуются поддержкой большинства избирателей, и нет особых оснований думать, что на региональном уровне ситуация была бы иной. Стало быть, избирательную систему, которая более или менее адекватно переводит голоса избирателей в депутатские мандаты (а пропорциональная система такова по определению), трудно признать оптимальным инструментом для строительства “партий власти”. Тут необходим порядок, теоретически позволяющий выиграть все депутатские мандаты, получив некую — не обязательно большую — долю голосов: например, по 30% в каждом из округов, где все остальные кандидаты набирают еще меньше. А такой результат достижим и при плюральной, и при блоковой системе. И действительно, именно на фоне этих систем состоялись наиболее заметные региональные “партии власти” второго электорального цикла — “Блок Амана Тулеева” в Кемеровской области, “Отечество — Кондратенко” в Краснодарском крае, КПРФ в некоторых регионах.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Корпус избирательных систем, применявшихся на выборах в региональные законодательные собрания в ходе первых двух электоральных циклов, характеризовался резким дисбалансом в пользу систем большинства, а среди них — в пользу плюральной системы (см. *табл. 1*). Позиции последней оставались прочными, тогда как элементы пропорциональности играли периферийную роль. Усиление от первого ко второму циклу популярности блоковой системы было связано с тем, что в определенных контекстах она была явно выгодна региональным исполнительным элитам, ибо условия, в которых она бы противоречила их интересам, в России еще не сложились. Мажоритарная система постепенно изживалась, поскольку сопряженные с ней риски зачастую перевешивали ее преимущества для доминирующих акторов. Инструментальные функции в укреплении регионального политического монополизма выполняли административно-территориальные округа. Вообще, лейтмотивом зафиксированной в настоящем анализе ситуации было стремление региональных элит консолидировать свои властные позиции, что, в свою очередь, давало вторичный эффект в виде противодействия развитию партий.

Поэтому нет ничего удивительного, что для нынешнего федерального руководства, взявшего курс на государственную централизацию, оптимизация партийной системы стала одним из основных политических приоритетов. Можно спорить о том, реалистичен ли проект создания общероссийской “партии власти” на основе движения “Единство”, соответствует ли он базовым интересам исполнительной власти и будет ли его осуществление способствовать повышению демократической подотчетности в стране. Однако ясно, что появление на региональном уровне сильных партий, завязанных на федеральный центр, усилило бы его позиции [Ordeshook 1996]. Симметричным результатом стало бы, естественно, ослабление регионального политического монополизма. В этом (по меньшей мере) смысле партийная реформа является вполне органичной частью намеченной В.Путиным стратегии.

Таблица 1

Избирательные системы на выборах
региональных законодательных собраний, 1993 — 1999 гг.

Избирательные системы		Число применявших регионов	
		1993 – 1995	1995 – 1999
“Чистые”	Плюральная	56	50
	Мажоритарная	7	5
	Блоковая	7	6
Смешанные	Плюрально-блоковая	12	18
	Плюрально-пропорциональная	3	3
	Мажоритарно-пропорциональная	0	1
	Блоково-пропорциональная	0	1
Итого		85	84

Как известно, институциональные усилия по осуществлению такого рода реформы были по преимуществу связаны с законопроектом о политических партиях, который к моменту выхода этой статьи в свет, вероятно, уже станет законом. Положения этого документа, направленные на усиление государственного контроля над деятельностью партий, находятся вне поля настоящего анализа (тем более что они были заметно смягчены за время его прохождения в Думе). Вторичным представляется момент, вызвавший довольно большое внимание и, казалось бы, имеющий прямое отношение к партийному строительству на региональном уровне — запрет на участие местных партий в обще-региональных и общероссийских выборах. Дело в том, что в подавляющем большинстве регионов нет не только сколько-нибудь значимых местных партий, но и, как мы видели, серьезных стимулов к их созданию. “Отклоняющимся случаем” вроде Краснодарского края, Кемеровской и Свердловской областей [Gel'man, Golosov 1998], видимо, суждено остаться отклоняющимися. Основной смысл документа, на мой взгляд, заключается в том, что он (если прибегнуть к экономической метафоре) ограничивает “предложение” политических партий путем введения ограничений на их создание. Логика прозрачна. Если количество партий сократится, но каждая из них окажется сильной, индивидуальные политики получают серьезный стимул использовать партийность в качестве электорального ресурса, что, в свою очередь, придаст дополнительные ресурсы самим партиям, их привлекательность еще более возрастет — и так до того момента, когда все российские политики станут партийными.

В принципе, это хороший образец институциональной инженерии, т.е. создания условий, подталкивающих политических акторов к расширенному воспроизводству желаемой деятельности. Но, к сожалению, экономическая метафора подсказывает, что сокращение “предложения” дает эффект лишь при отсутствии функционально эквивалентного общедоступного блага. А таким бла-

гом в контексте российской электоральной политики остается возможность выдвижения группами избирателей и самовыдвижения. Ограничить эту возможность, не нарушая пассивного избирательного права граждан, нельзя. Переходя из правовой плоскости в политическую, следует констатировать, что отнюдь не избыток партий препятствует их развитию в регионах России. Партии проигрывают не друг другу, а независимым кандидатам, и преимущество этой альтернативы настолько велико, что ограничение “предложений” партий не в состоянии сколько-нибудь серьезно повлиять на региональные электоральные арены (хотя последствия партийной реформы для общенациональных выборов могут быть вполне ощутимыми).

Проведенный анализ показывает, что из всех институциональных альтернатив, заложенных в российские избирательные нормы, только пропорциональная система способна внести реальный вклад в развитие партий на местах. Это, между прочим, давно поняли в таких странах, как Венгрия и Чехия, где исходный уровень партийного развития незначительно превосходил российский [Голосов 1999]. Там региональные законодательные собрания избираются по пропорциональной формуле, что уже принесло свои плоды [Ieda 2000]. Стремление расширить ее использование наблюдается сегодня и в России. Так, разработан законопроект, согласно которому в регионах с численностью избирателей свыше миллиона, т.е. чуть более чем в сорока из них, не менее 15% депутатов должны избираться по пропорциональной системе. Попробуем представить, как будет реализовываться эта норма, если ей вообще суждено быть реализованной.

Возьмем гипотетическую легислатуру со средней по России численностью депутатов-одномандатников — 39 человек, столкнувшуюся со столь же гипотетической (пока) необходимостью пополниться “списочниками”. Ясно, что для ее удовлетворения ни один из одномандатников не поступится собственным округом. Ясно и то, что они попытаются свести количество “списочников” к установленному минимуму. Простой подсчет показывает, что при такой конфигурации стимулов простейший путь — довести общую численность легислатуры до 47, т.е. добавить к имеющимся 39 мандатам еще восемь. Теперь посмотрим, что получилось бы при распределении этих мандатов, если бы результаты выборов в гипотетическом регионе полностью совпали с результатами общенациональных думских выборов 1999 г. (допуская, что используется все тот же метод простой квоты и наибольших остатков). Итог таков: два места — у КПРФ, два — у “Единства” и по одному — у ОВР, СПС, Блока Жириновского и “Яблока”*. Сходные результаты наблюдались в некоторых регионах, избирательных небольшие доли депутатского корпуса по пропорциональной системе. Приведу примеры: в Марий Эл 8 мест, распределявшихся по пропорциональной системе, поделили между собой 7 партий; в Саратовской области на 10 мест прошло 6 партий; в Калининградской — на 5 мест 3 партии, в Свердловской (ротация 1998 г.) — на 14 мест 7 партий. И это не предел. На выборах третьего цикла в Калининградской области количество пропорциональных мест сравнялось с количеством выигравших эти места партий!

Нельзя сказать, что подобные исходы совсем бесполезны для партийных лидеров на местах. Как-никак они получают свои мандаты. Но вот вступать в партию, которая гарантированно обеспечивает успех лишь своему лидеру,

* Надо заметить, что применение метода делителей д’Ондта дало бы результаты, которые кому-то показались бы более осмысленными: КПРФ и “Единство” — по три места, ОВР и СПС — по одному. Метод простой квоты и наибольших остатков, конечно, меньше всего подходит для сокращения фрагментации в округах малой величины. Любопытный эксперимент провели во втором электоральном цикле законодателя Корякского автономного округа, которые, преследуя ту же благую цель сокращения фрагментации, установили не 5-процентный, а 25-процентный барьер для прохождения в легислатуру. Барьер преодолела только КПРФ, которая, не ожидая столь “ошеломляющего успеха” в этом отнюдь не коммунистическом по электоральным ориентациям регионе, выдвинула на искомые четыре места всего трех кандидатов. Не удержусь от того, чтобы охарактеризовать подобное институциональное экспериментирование как усердие не по разуму.

здравомыслящий политик не станет. Скорее, он предпочтет создать отделение какой-нибудь второстепенной общероссийской партии “под себя”. Ведь, с одной стороны, неопределенность российских электоральных шансов дает некоторую надежду даже заведомым аутсайдерам, а с другой — положение лидера партии иногда способствует успеху в одномандатном округе. Таким образом, стимулов к организационному развитию партий — хотя бы в форме мобилизации активистов — предлагаемая реформа не дает, но зато дает дополнительный стимул к фрагментации. Не ведет она и к реальному структурированию легислатур по партийному признаку. Фракция из двух человек ощутимого влияния на политику не окажет, а один человек — и вовсе не фракция. Понимают ли инициаторы реформы, сколь малы (а отчасти и контрпродуктивны) будут ее реальные последствия? Не сомневаюсь, что понимают. Очевидно, что к более серьезным и конструктивным результатам могла бы привести реализация идеи об избрании по пропорциональной системе не менее половины региональных депутатов, которую в течение первой половины 2001 г. не раз высказывали некоторые работники Центризбиркома и президентской администрации. Откуда же взялся 15%? Думается, ответ ясен: это — тот предел, дальше которого, как ожидают инициаторы законопроекта, региональные власти не пойдут. В их распоряжении остаются такие рычаги, как вето Совета Федерации и послушные одномандатники в Думе. Радикальная реформа будет просто заблокирована, ибо этого требуют институционально обусловленные интересы глав исполнительной власти регионов.

Рассмотренный выше законопроект, скорее всего, ожидает трудная судьба как на этапе прохождения через Думу, так и — в случае успеха — на этапе реализации, хотя прямая поддержка федеральной исполнительной власти способна смягчить эти трудности. Но его обсуждение позволяет оттенить главные выводы из настоящего анализа, которые можно суммировать следующим образом. Системы большинства (в т.ч. с применением административно-территориальных округов) адекватны институциональному дизайну региональных режимов и политическим ресурсам основных акторов. В этих условиях попытки “точечной” коррекции частного элемента дизайна, каковым, при всей ее важности, является избирательная система, будут вызывать ожесточенное сопротивление. Думается, что его сопротивление окажется эффективным, ибо политические агенты электоральной реформы — будь то президентская администрация или представленные в Думе политические партии — лишены на региональном уровне реальных партнеров, интересы которых делали бы подобную реформу целесообразной. Такие партнеры (например, в виде контрэлит, полагающихся на электоральную мобилизацию как на путь к власти) появятся, когда программа государственной централизации увенчается хотя бы частичным успехом. Именно тогда и станет возможна действенная институциональная инженерия, направленная на повышение в России роли партий. Основное ее средство — более широкое применение пропорциональной системы.

Гельман В. 1998. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики. — Гельман В. и др. (ред.). *Органы государственной власти субъектов Российской Федерации*. М.

Гельман В., Рыженков С., Бри М. (ред.) 2000. *Россия регионов: трансформация политических режимов*. М.

Голосов Г. 1999. *Партийные системы России и стран Восточной Европы: генезис, структуры, эволюция*. М.

Голосов Г., Лихтенштейн А. 2001. “Партии власти” и российский институциональный дизайн: теоретический анализ. — *Полис*, № 1.

Козлова Е., Кутафин О. 1998. *Конституционное право России*. М.

Макфол М., Петров Н. (ред.). 1998. *Политический альманах России 1997*. М.

Михайлов В., Бажанов В., Фарушкин М. (ред.). 2000. *Особая зона: выборы в Татарстане*. Ульяновск.

Михайловская Е. (ред.). 1995. *Российский сборник*. М.

Петров Н. 1995. Выборы органов представительной власти. — *МЭМО*, № 3, 4.

- Яргомская Н. 1999. Избирательная система и уровень партийной фрагментации в России. — *Политс*, № 4.
- Farrell D. 1997. *Comparing Electoral Systems*. L.
- Frye T. 1997. Politics of Institutional Choice: Post-Communist Presidency. — *Comparative Political Studies*, vol. 30, № 5.
- Gel'man V., Golosov, G. 1998. Regional Party System Formation in Russia: The Deviant Case of Sverdlovsk Oblast. — *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 14, № 1-2.
- Golosov G. 1997. Russian Political Parties and the 'Bosses': Evidence from the 1994 Provincial Elections in Western Siberia. — *Party Politics*, vol. 3, № 1.
- Golosov G. 1999. From Adygeya to Yaroslavl: Factors of Party Development in the Regions of Russia, 1995-1998. — *Europe-Asia Studies*, vol. 51, № 8.
- Golosov G. 2001. Political Parties, Electoral Systems, and Women's Representation in the Regional Legislative Assemblies of Russia, 1995-1998. — *Party Politics*, vol. 7, № 1.
- Herron E., Nishikawa M. 2001. Contamination Effects and the Number of Parties in Mixed-Superposition Electoral Systems. — *Electoral Studies*, vol. 20, № 1.
- Ieda O. (ed.). 2000. *The Emerging Local Governments in Eastern Europe and Russia: Historical and Post-Communist Developments*. Hiroshima.
- Jones M. 1998. Gender Quotas, Electoral Laws, and the Election of Women: Lessons from the Argentine Provinces. — *Comparative Political Studies*, vol. 31, № 1.
- Lijphart A. 1984. *Democracies: Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Countries*. New Haven.
- Mainwaring S. 1999. *Rethinking Party Systems in the Third Wave of Democratization: The Case of Brazil*. Stanford.
- Mansbridge J. 1999. Should Blacks Represent Blacks and Women Represent Women? A Contingent "Yes". — *Journal of Politics*, vol. 61, № 3.
- Massicotte L., Blais A. 1999. Mixed Electoral Systems: A Conceptual and Empirical Survey. — *Electoral Studies*, vol. 18, № 3.
- Moser R. 1999. The Impact of Parliamentary Electoral Systems in Russia. — *Post-Soviet Affairs*, vol. 13, № 3.
- Norris P. 1994. Labour Party Quotas for Women. — Broughton, D. et al. (eds). *British Elections and Parties Yearbook*. L.
- Ordeshook P. 1996. Russia's Party System: Is Russian Federalism Viable? — *Post-Soviet Affairs*, vol. 12, № 3.
- Rae D. 1967. *The Political Consequences of Electoral Laws*. New Haven: Yale University Press.
- Remington T. 2000. The Evolution of Executive-Legislative Relations in Russia since 1993. — *Slavic Review*, vol. 59, № 3.
- Reynolds A., Reilly B. 1997. *The International IDEA Handbook of Electoral System Design*. Stockholm.
- Rose R. (ed.). 2000. *International Encyclopedia of Elections*. Washington.
- Shevchenko I., Golosov G. 2001. Legislative Activism of Russian Duma Deputies, 1996-1999. — *Europe-Asia Studies*, vol. 53, № 2.
- Shiratori R. 1995. The Politics of Electoral Reform in Japan. — *International Political Science Review*, vol. 16, № 1.
- Shugart M. 1998. The Inverse Relationship Between Party Strength and Executive Strength: A Theory of Politicians' Constitutional Choices. — *British Journal of Political Science*, vol. 28, № 1.
- Shugart M., Carey J. 1992. *Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics*. Cambridge.
- Slider D. 1996. Elections to Russia's Regional Assemblies. — *Post-Soviet Affairs*, vol. 12, № 3.